

В этом году в Москве начинает работу новое учебное заведение — Центр оперного пения Галины Вишневской. Сюда приглашаются молодые певцы, окончившие консерваторию, аспиранты — для того, чтобы отшлифовать свое мастерство. В Центре на Остоженке только что прошли вступительные прослушивания. Из ста пятидесяти абитуриентов будут приняты двадцать пять. Им предстоит мастер-класс длиной в два года...

— Какие перспективы ожидают тех, кто пройдет конкурс?

— Перспективы? О перспективах можно говорить тогда, когда они научатся быть артистами. Пока это голый материал.

Должен быть наставник. Должен быть педагог. Это всегда было важно, а в наше время — особенно. Сегодня дети не получают воспитания в семье. Они предоставлены школе и улице. Раньше в семьях обязательно учились играть на каких-нибудь музыкальных инструментах, петь, в домах были музыкальные вечера, спектакли ставили. Потом это все исчезло. А средняя школа не воспитывает, особенно артиста. Что такое пение? Пение — это состояние души. Оно слышно в голосе! И — воображение. Главное — это воображение. (Кроме техники, конечно, которая позволяет все выполнить.)

А воображение, опять же, должно быть поддержано воспитанием. Сейчас мы набираем первый курс. Посмотрим, насколько они смогут и захотят принять то, что я могу дать, что могут дать педагоги.

У нас будут работать Ирина Ивановна Масленникова и декан вокального факультета консерватории Петр Ильич Скусниченко. Поэтому молодые певцы, которых мы отбираем, должны будут принять более высокие требования к ним как к артистам.

Самый большой недостаток начинающих певцов сегодня — низкий уровень общей культуры. Сейчас, сразу после прослушиваний скажу еще раз: голоса есть очень хорошие. Но они с этими голосами мало что могут сделать. И одной техникой тут не поможешь. Мы набираем примерно двадцать пять человек.

— Так мало...
— Так много. Каждому ведь надо уделить внимание, много внимания. Надо с каждым работать. Делать серьезный репертуар.

— После окончания школы выпускников ожидает ваша поддержка?

— Боже упаси, я этим не занимаюсь. Я считаю, что певец должен пробиваться сам. Если у него действительно все данные есть, то его обязательно услышат. Мы оповестим всю страну, когда будем выпускать молодых певцов. И если он талантлив, то о нем обязательно узнают.

— Сейчас многие певцы и певцы, заканчивая петь, уходят в оперную режиссуру. Вы себя видите режиссером?

— Я делала уже это за границей, ставила «Царскую невесту» в Монако и Вашингтоне, в Римской опере. Все это я ставила с Ростроповичем

вместе — он, естественно, дирижировал. Я ставила «Иоланту» в Англии. Но это не мое, не мое. Я слишком требовательно отношусь к певцам и хочу, чтобы они немедленно сделали так, как я считаю нужным. А режиссер должен быть более терпимым и раскрыть все-таки артиста. И это — взаимное творчество. А я хочу все и сразу. Сама так работала с Борисом Александровичем Покровским, все ловила на лету. Контакт у нас с ним был какой-то особенный...

— С западными артистами легче работать, чем с нашими? Или у всех есть какие-то особенности?

— С нашими я пока что ничего не ставила. А дисциплины там, конечно, больше. Они уважают чужое время. Я делала мастер-класс в Зальцбурге, в Германии, Голландии,

Англии, в Вашингтоне. Если человек за мой мастер-класс заглитил деньги, то он хочет из меня вытянуть все. Я ему задаю, скажем, несколько романсов, думая, что он их выучит через неделю, а он их выучивает уже на следующий день, и еще по-русски. Чудеса работоспособности они показывают!

— Я видела как-то по телевизору ваш мастер-класс в Германии, вы достаточно жестко работаете...
— Да! И они делают все сразу. Я должна только один раз сказать — и все сразу будет сделано. У нас же... наши привыкли к бесплатному обучению. Сколько раз были такие случаи, когда Ростропович преподавал в консерватории, — студент где-то прогулял, загулял, а профессор с мировым именем звонит его родителям в Ташкент и просит приехать. Родителям этого взростого балбеса! Бесплатно к Ростроповичу он не идет на урок, болван несчастный! Вот за границей такого нет... Если у него

урок с Маэстро — он неделю не спит, готовится. Пусть у него голос средний, но все будет звучать идеально — низы, середина, верх.

Потом, в смысле вокальной техники... пусть хуже, лучше, но петуха не будет, он не сорвется. А у нас он в одной арии берет си-бемоль, а в другой — нет. То у него здесь все недоучено. Если написана именно эта нота, то она должна звучать. И как ты этого добиваешься, никого не касается. А у нас все — завтра, завтра, завтра, потом меня научат, и в итоге — никогда.

— Вы достаточно рано ушли со сцены...

— Почему? Нет, не рано. Мне было шестьдесят с лишним. Я с семнадцати пела на профессиональной сцене — в общей сложности сорок пять лет. Просто устала от этого. Мое сценическое присутствие стало мне в тягость, и я ушла без всяких объявлений.

— Как вы пришли к созданию школы?

— Привели меня к этой мысли именно мастер-классы. Я могу много дать начинающим певцам. Я могу им что-то

дать и за две недели, они у меня раскрываются в эти сроки, на глазах у публики совершенно меняются, голоса начинают блестеть. Я знаю, что я очень много могу, — у меня есть приемы такие, которые быстро помогают раскрыться. И надо было что-то предпринять, чтобы я смогла помочь людям в полной мере, если я это успею сделать. Надо успеть.

Но две недели мастер-класса — это очень мало. Ведь пройдет несколько недель, а профессор забылся. Начнут действовать старые навыки и привычки. Должен быть больший срок обучения — два года, я считаю, чтобы в полной мере новое, чему я могу их научить, сложилось в систему. В привычку.

— Прошлым летом на пресс-конференции вы говорили, что очень трудно решить вопрос с финансированием.

— Мы сделали это. И огромное спасибо Юрию Михайловичу Лужкову. Он взял на себя это дело. Ведь это здание было моей собствен-

ностью. И я его отдала городу — мне не нужен этот особняк и моим детям не нужен. Я думаю, что эта школа будет играть свою роль в развитии нашей культуры, нашего искусства.

— Как вы считаете, культурный уровень нашего общества в целом связан с тяжелым экономическим состоянием страны?

— Конечно, нет. Это последствия восьмидесяти лет советской власти. Мы сейчас пожинаем эти плоды — патологическое вранье, коммуналки, какая тут культура! Оболенные, ненавидящие друг друга люди жили по несколько семей в одной квартире. Вот и все. Сегодня поколение выращенных властью Советов людей выгоняет на улицу детей... Пулеметы убрали, и все это случилось. Это реальное лицо страны — человек стал тем, кто он есть, а не тем, кем ему велели казаться.

нужен такой посыл, такое умение подать эмоцию и одновременно сдерживать себя, не сорваться, не потерять голос, что петь эту партию нужно уже в достаточно зрелом возрасте. Нужно быть мастером, чтобы петь Шостаковича.

Некоторые конкурсанты поют, как дышат, — эти, видимо, и пройдут отбор. Сегодня неожиданно пришло много мужчин. Баритоны есть очень хорошие. И, как ни

Галина ВИШНЕВСКАЯ:

В ПЕНИИ ГЛАВНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

дией, Англии, в Вашингтоне. Если человек за мой мастер-класс заглитил деньги, то он хочет из меня вытянуть все. Я ему задаю, скажем, несколько романсов, думая, что он их выучит через неделю, а он их выучивает уже на следующий день, и еще по-русски. Чудеса работоспособности они показывают!

— Я видела как-то по телевизору ваш мастер-класс в Германии, вы достаточно жестко работаете...

— Да! И они делают все сразу. Я должна только один раз сказать — и все сразу будет сделано. У нас же... наши привыкли к бесплатному обучению. Сколько раз были такие случаи, когда Ростропович преподавал в консерватории, — студент где-то прогулял, загулял, а профессор с мировым именем звонит его родителям в Ташкент и просит приехать. Родителям этого взростого балбеса! Бесплатно к Ростроповичу он не идет на урок, болван несчастный! Вот за границей такого нет... Если у него

дать и за две недели, они у меня раскрываются в эти сроки, на глазах у публики совершенно меняются, голоса начинают блестеть. Я знаю, что я очень много могу, — у меня есть приемы такие, которые быстро помогают раскрыться. И надо было что-то предпринять, чтобы я смогла помочь людям в полной мере, если я это успею сделать. Надо успеть.

Но две недели мастер-класса — это очень мало. Ведь пройдет несколько недель, а профессор забылся. Начнут действовать старые навыки и привычки. Должен быть больший срок обучения — два года, я считаю, чтобы в полной мере новое, чему я могу их научить, сложилось в систему. В привычку.

— Прошлым летом на пресс-конференции вы говорили, что очень трудно решить вопрос с финансированием.

— Мы сделали это. И огромное спасибо Юрию Михайловичу Лужкову. Он взял на себя это дело. Ведь это здание было моей собствен-

ностью. И я его отдала городу — мне не нужен этот особняк и моим детям не нужен. Я думаю, что эта школа будет играть свою роль в развитии нашей культуры, нашего искусства.

— Как вы считаете, культурный уровень нашего общества в целом связан с тяжелым экономическим состоянием страны?

— Конечно, нет. Это последствия восьмидесяти лет советской власти. Мы сейчас пожинаем эти плоды — патологическое вранье, коммуналки, какая тут культура! Оболенные, ненавидящие друг друга люди жили по несколько семей в одной квартире. Вот и все. Сегодня поколение выращенных властью Советов людей выгоняет на улицу детей... Пулеметы убрали, и все это случилось. Это реальное лицо страны — человек стал тем, кто он есть, а не тем, кем ему велели казаться.

— Как вы оцениваете обстановку в стране сейчас?

— Да что бы ни было — только не дай бог того, что было.

странно, было больше хороших меццо, чем сопрано, хотя сопрано в природе все-таки больше.

— Можно назвать ваш метод вашей школой пения?

— Да, безусловно, именно мой метод преподавания. Сорок пять лет работы на сцене. Конечно, здесь то, что мне передала Вера Николаевна Гари-на, которая училась петь в XIX веке у знаменитой Полин Де Люкка. И то, что судьба подарила мне дружбу с великими композиторами — Шостаковичем, Бритеном, которые для меня писали сочинения. И двенадцатилетний опыт работы с Мелик-Пашаевым в Большом театре. И все годы, до его ухода из Большого театра, работы с таким великим современным режиссером, как Б. А. Покровский. Не говоря уже о том, что сорок шесть лет я общаюсь с Мстиславом Ростроповичем.

И все то, чему меня научили, я хочу передать...

● Беседовала Яна СТАРИКОВИЧ

VOOБРАЖЕНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПОДДЕРЖАНО ВОСПИТАНИЕМ

Самая большая беда наших молодых певцов — низкий уровень общей культуры

ИТАР-ТАСС